

Часть первая,

в которой мы знакомимся с большой и дружной семьёй, проживающей близ священной горы Тасхыл. Дни привычно и неторопливо сменяют друг друга, дети познают подсолнечный мир на его бескрайних просторах, а счастливая мать Хуртуях благодарит богов за размеренное течение жизни, за богатый урожай и крепкое здоровье детей

У подножия синих гор,
На зелёных ладонях степных,
Жили с самых заветных пор
Предки первых людей кочевых:

Сартахпай—богатырь умелый,
Хуртуях—мать счастливых детей,
Что сказания звонко пела
Для сынов, для своих дочерей.

Было много детей у пары,
Каждый делом семье помогал:
Кто на выкорм гонял отары,
Кто остистый ячмень выбивал,

Кто стругал и ошкуривал жерди,
Кто с заботой кормил очаг.
Не боялись дети усердий,
Был устойчивым первый их шаг.

Сартахпай перебрасывал горы,
Оживляя землю ручьями.
Нет для дела лучшей опоры,
Чем быть гордым родными краями.

Мать вплетала звёзды в узоры,
Украшая рубахи и платья.
Воспевали сёстры просторы,
Изучали охоту братья.

Чтили предков и духов земных,
Грустной песней платили за горе;
И речей не слышали злых,
И не ведали жизни в ссоре.

Старший всюду глядел за малым,
Поступал, как велел отец.
Так и жили дружным аалом,
Крепли, словно степной жеребец.

А когда жёлтый лист слетал,
Праздник радовал всю семью.
Богатырский чатхан звучал,
Дети бегали по жнивью.

Жизнь пускалась в осенний пляс,
Хороводы листвы вздымая.
Ручейков перезвон, кружась,
Убегал, тишину лаская.

И казалось, всё будет так:
Сберегут от напасти горы,
Не угаснет родной очаг,
Не уйдут из-под ног опоры.

Часть вторая,

в которой Хуртуях снится пророческий сон, предупреждающий её о страшной опасности. Часть, в которой мать лицом к лицу столкнётся с неотвратимой судьбой и проявлением как людской, так и божественной воли

Первый снег наследил в полях;
Солнце пряталось от людей.
Страшный сон пришёл к Хуртуях
О трагедии будущих дней:

Чужеземцы настигли всех,
И не дрогнула их рука.
Чешуёю сверкал доспех
Человека с головою быка.

По мосту, что поднял Сартахпай,
Душегубы пришли с войной—
Их давно манил этот край,
И семья приняла смертный бой.

Так до следующего утра
Хуртуях потеряла покой.
Всё страшила её гряда
За серебряною рекой.

Богатырь уходил в дозор,
Но безлюдна была земля.
Тихой ночью в звёздный узор
Заползла ледяная змея.

Скот пугался своих теней,
Детский плач полон стал тревог.
Закоптило пламя свечей,
Будто дух пересёк порог.

За горою раздался гром,
И земля, как струна, затряслась.
Мать склонилась над малышом,
Колыбельную петь принялась:

«Ветры гонят злое лихо
Чёрной птицей, клювом острым.
Спи, сыночек. Тихо, тихо...
Быть тебе защитой сёстрам.

Наших предков будь достойным,
Почитай Тасхыл священный.
Будь добра и мира воином
Под призором у Вселенной.

Помни все мои заветы,
Помни дом свой, помни имя.
Здесь душа твоя согрета,
Связь с землёю нерушима!»

Стало ясно: они пришли.
Принял бой богатырь родной.
Сердце будто углём прижгли
И солёной умыли слезой.

Хуртуях подняла детей,
Чтобы быть готовой бежать.
Звон ломающихся мечей
Торопил синеокою мать.

Старший сын, оседлав коня,
Поспешил выручать отца.
Заблестела его броня;
Ветер нёс по степи бойца.

Сартахпай обнажил свой меч,
Отражая ударов град.
Обещал он семью сберечь,
Не ступив ни шагу назад.

Старший сын вонзился копьём
В иноземцев, ломая строй.
С Сартахпаем они вдвоём
Дали недругам честный бой.

Но когда самый грозный враг
Разрубил копьё топором,
Они поняли, что никак
Не пробиться им напролом.

Сын давал отпор чужакам,
Пока мост разбирал отец,
Но теснили его к холмам;
Близок был его сил конец.

Сартахпай не мог рисковать
И срубил опоры мечом.
Сыну он велел отступить,
Обещая помочь с прыжком.

Старший сын повернул коня
И помчал напрямик к реке.
Богатырь ухватил края
И зажал пространство в руке.

Прыгнул конь через гриву вод,
Но зазубренная стрела,
Пролетев по кривой, в обход,
Сына выбила из седла.

Сартахпай разомкнул кулак,
Но стрелу не успел поймать.
С головою быка чужак
Сына смог у него отнять.

Хуртуях замерла в пути—
Сердце чувствует боль детей...
Но, уняв камнепад в груди,
Зашагала она быстрой.

Выиграл время её супруг,
Помешав иноземцам пройти,
Но в бою потерял свой лук
И коня не сумел спасти.

Вместе двинулись второпях,
Не жалея ни сил, ни ног.
А вторженцы на лошадях
Вслед ушедшим трубили в рог.

Дети выдохлись и ослабли—
Каждый нёс сестру или брата.
Вскоре вовсе они озябли
Под лучами сырого заката.

А услышав, как топоры
Принялись деревья терзать,
Сартахпай у красной скалы
Приготовился зло сдержать.

Хуртуях обратилась к богам.
Боги приняли кровный дар
И, согласно её мольбам,
Обратили детей в янтарь.

Сорок капель живой смолы,
Плача, мать прижала к груди,
Полетела быстрее стрелы,
Оставляя дом позади.

Степи прятали её след,
Небосвод над врагом темнел.
Вдалеке, уводя от бед,
Алтын-кель маяком рябел.

Снова дрожью пошла земля,
В небо бросив розовых птиц.
Мать бежала через поля,
Но споткнулась и пала ниц.

Где-то волки, сбившись кольцом,
Затянули протяжный вой.
Налилось её сердце свинцом:
Видно, смертью закончился бой...

Хуртуях попыталась найти
Ожерелье янтарных бус,
Но порвалась нить по пути!
Лёг на плечи тяжёлый груз.

Обернулась она на восток,
Онемев от потерь своих,
И, не чувствуя рук и ног,
Замерла, поминая родных.

Каменел её скорбный лик,
Снег белел в черноте волос.
Одинокий надрывный крик
По степи ураган разнёс:

«Земля моя, хранимая богами,
Не дай забвенью покорить себя
И сохрани под чистыми снегами
Следы детей, что помнили тебя.

Не дай вторженцам, что пришли с мечами,
Сгубить потомство и пожечь поля;
Встань против них ветвистыми корнями,
Встань против них, Тадарская земля!

Уже не блещет солнце над горами,
И кровоточат болью облака.
Пусть всё то зло, свершённое над нами,
Пройдёт по памяти через века.

Да не умолкнут голоса родные,
Да не померкнет в летописи лик,
Да не исчезнут знаки родовые;
Ведь жив народ, куда жив язык!

Священны горы, и тайга священна,
Чисты потоки ручейков и рек.
А ваши души, дети, драгоценны,
И солнца свет—ваш главный оберег.

Вы крепко стойте на ногах, как предки.
Не позволяйте грабить край родной!
Не верьте звону золотой монетки,
Подброшенной вражеской рукой.

Цените счастье, детские улыбки,
Не забывайте дома своего.
Не бойтесь, дети, совершать ошибки,
Но бойтесь не учиться из того.

Не растеряйтесь, дети дорогие,
Среди негаснущих людских костров.
Степные ночи звёздно-смоляные
Всегда вас ждут с далёких берегов.

Земля моя, хранимая богами,
Не дай забвенью покорить себя
И сохрани под чистыми снегами
Следы детей, что помнили тебя.

Не дай вторженцам, что пришли с мечами,
Сгубить потомство и пожечь поля;
Встань против них ветвистыми корнями,
Встань против них, Тадарская земля!»

Её песня терзала высь.
Голос матери был певуч,
А как связки надорвались—
Дождь пролился из серых туч.

И тогда мудрый Хайрахан
Посмурил от злосчастных бед,
Но, подумав, другим богам
Дал на это такой ответ:

«Чтоб унять страданий пламень
И дарить надежду людям,
Превратится она в камень
С зарождённым внутри чудом».

Часть третья,

*в которой несчастная Хуртуях,
несмотря на тяжёлую участь,
становится покровительницей матерей
и прародительницей тюркоязычных
народов. Воля богов исполнена, а
каменная мать взирает на родные
земли сквозь веки тысячелетий*

Поля закутались в саван
До месяца ложной кукушки.
Весеннее солнце травам
Пригрело, любя, макушки.

Затянул пушистый ковыль
Вереницу степных голов,
А цветов сиреневых пыль
Полыхнула на скулах холмов.

Разомлев, прикрылись листвою
Берёзки у шумной реки.
Медвяной умылись росой
Горящие в поле жарки.

Там, где падал янтарь из бус,
Зарождался новый народ,
И курился степной улус
Синевой енисейских вод.

Красота этих диких мест
Стала радовать тысячи глаз,
А село превратилось в уезд,
И настало единство рас.

Степь—свидетельница всего;
Она помнит океана вес,
Помнит каждую жизнь того,
Кто ходил под лазурью небес,

Кто подсолнечный мир узрел,
Кто любил и терял родных;
Как хайджи сказания пел,
Как война забирала живых...

Суховой языком шершавым
Пишет летопись на камнях.
Горицвет с репъём поджарым
Молят небо о чистых дождях,

А когда-то счастливая мать
Всё поёт свою песню нам.
Научилась она помогать
Всем нуждающимся матерям.

И легенда из уст в уста,
От народа к народу шла;
Оставаясь нутром чиста,
Вопреки холодам цвела.

Все, кто жаждал иметь детей,
Получили надежды свет
Из-за гор, городов, морей,
Из рассказов, звонков, газет.

Хуртуях на родной земле
Обрела вековой почёт,
Помогая каждой семье,
Что за помощью к ней придёт.

Спустя тысячи долгих лет
Её дар сохранил народ;
Хуртуях, избавляя от бед,
Продолжает сибирский род.

Греет корни жизнь до сих пор
Под присмотром вершин ледяных,
У подножия синих гор—
На зелёных ладонях степных.